

ВОЙНА АМАЗОНОК

Часть первая. Рыночный король

Глава I

РАЗБОЙНИКИ «КРАСНОЙ РОЗЫ»

Семь человек со злодейскими лицами, в изорванной одежде, все вооруженные большими и крепкими шпагами, бившими их по пяткам, шли по Сент-Антуанской улице.

Четверо несли женщину с кляпом во рту и так завернутую в плащ, что она казалась трупом. Двое шли в десяти шагах впереди, а седьмой на таком же расстоянии позади; у всех троих были в руках обнаженные шпаги.

Те, что шли впереди, скоро остановились перед знаменитой в то время гостиницей, украшенной вывеской «Красная Роза», которую, впрочем, темная ночь не позволяла различить.

Когда человек, шедший последним, догнал их, он постучался в дверь, и та вскоре отворилась.

В главной зале нижнего жилья не было никого, кроме трактирщика, который поспешил к пришедшим.

— Мосье Ле Мофф! — сказал он, отступая при виде человека, бывшего, видимо, начальником этой шайки.

— Да, это я, — отвечал тот тихим голосом, — помолчи, болтун!

— Что это такое, боже мой? — продолжал трактирщик, смотря на ношу, которую несли другие.

— Веди нас в твою лучшую комнату. Нимало не медля. Ну, скорее, скорее...

Трактирщик, без сомнения, знал, с кем имел дело, потому что поспешил зажечь свечу и пошел впереди таинственных посетителей. Он

поднялся на лестницу, светя им, и привел их в обширную комнату первого этажа.

Человек, которого трактирщик назвал Ле Моффом, приказал своим людям положить на кровать укутанную женщину, которая, впрочем, нисколько не вертелась в их руках; и когда это было исполнено, когда Ле Мофф отослал своих людей и остался один с трактирщиком, он расправил многочисленные складки плаща и освободил пленницу от кляпа.

Это была молодая девушка, и трактирщик, который не мог удержаться от любопытства и направил свет свечи на ее лицо, мог удостовериться, что она была чудной красоты. Гневный взгляд Ле Моффа напомнил ему его обязанность, и он поспешил зажечь две восковые свечи — уже вполовину сгоревшие, воткнутые в подсвечник, стоявший на столе.

— Сойдем вниз,— сказал Ле Мофф.

Трактирщик пошел за ним без всяких рассуждений. И без удивления увидел, как тот старательно запер дверь комнаты двумя оборотами ключа.

— Птичка не улетит,— сказал Ле Мофф с одною из тех злых улыбок, что предшествуют дурному поступку.

— Остерегайтесь, мосье Ле Мофф, вы можете навлечь большую неприятность на мою бедную гостиницу!

— Каждый раз, как я приводил к тебе клиента, тебе платили хорошо, не так ли?

— Это правда, особенно когда дело шло о герцоге де Баре.

— Ну, на этот раз ты получишь еще больше.

— Черт побери!

— Ты боишься чего-нибудь?

— Если я правильно угадываю, что вы готовите, то думаю, что за это может заплатить только герцог де Бар.

— Ты не ошибаешься, приятель, и теперь дело идет о герцоге... что не мешает герцогу де Бару быть одною из колонн твоего уважаемого дома, не забывай этого.

— Ах! Если бы он не принадлежал к придворной партии.

— Что же?

— Я не боялся и не совестился бы.

— Но сегодня речь идет не о нем.

— Герцог де Бар в партии Мазарини, и вы рискуете, что вас будет осаждать в моем доме партия принцев или парламента, и мои бедные стены, моя хорошая мебель, мои тарелки, мои блюда, мои вина поплатятся за это.

— Ты будешь щедро вознагражден, обещаю тебе это.

— Увы! Любезный мосье Ле Мофф, я не могу полагаться на ваше слово, хотя верю вашей чести.

— Что ты хочешь сказать?

— Что я не принадлежу ни к партии Фронды, ни к партии принцев и что моя холодность, благоприятная моим интересам теперь, впоследствии, может быть, будет считаться неловкостью.

— Ты рассуждаешь довольно хорошо, друг: то, что неловкость в тебе, человеку оседлом в Париже, то ловкость в Ле Моффе, который предоставил тебе свободу расставлять свою палатку во всех лагерях, смотря по обстоятельствам.

— Все обойдется, я надеюсь.

Они воротились в общую залу, и трактирщик очень удивился, что число товарищей его клиента более чем удвоилось в их отсутствие.

Двадцать человек, вооруженных с ног до головы и в такой же беспорядочной одежде, как и первые, заняли места около столов. Служанка подавала им вина, они без церемонии разбудили ее, а эта красивая толстая девушка не заставила себя просить.

Ле Мофф был человек лет тридцати пяти, высокий ростом и суровый лицом, один из тех сынов Бретани, которые удивляют свет зрелищем своих подвигов или которые, сбившись с прямого пути, ужасают свет шумом своих злодеяний. Теперь Ле Мофф был на жалованье тех, кто желал его нанять — на день, на час, на удар. Он влачил за своей длинной рапирой свору бандитов, не знавших ни веры, ни закона, тем более страшных, что в эпоху смут и беспорядков полиция была ничтожна.

Когда Ле Мофф появился в зале, как бы по волшебству воцарилось молчание.

— О! — сказал Ле Мофф, нахмутив брови.— О капитане говорили дурно.

Никто не ответил, но головы наклонились к столам, и несколько стаканов было опорожнено для вида.

— Скажите, что у вас на сердце? — продолжал Ле Мофф.— Не

стесняйтесь, вы знаете, что я добрый малый.

— Мы хотим вступить в службу к кому-нибудь,— сказал один, приподнимая голову.

— Нам надоело шататься там и сям, не знать никогда, куда мы идем.

— Да,— продолжали все хором,— вот чего мы хотим.

— Скоты,— возразил Ле Мофф, пожимая плечами,— неужели вы не поняли, что есть хорошего в нашей жизни? Быть себе господином — разве это не самое лучшее положение?

— Конечно,— отвечал другой,— но есть минуты трудные.

— Право, вы не заслуживаете, чтобы я вами интересовался. Вот сто пистолей, которые я должен сегодня разделить между вами, завтра вы получите вдвое, послезавтра втрое больше.

— А! — сказали разбойники, вытаращив глаза с любопытством и жадностью.

— Поймите раз и навсегда, что во всякой междоусобной войне есть люди, которые приобретают, и люди, которые теряют. В тот день, когда мир будет подписан между партиями, мы уйдем в тень, правосудие и полиция примутся за свое дело, и все кончится для нас. Пока будут беспорядки, мы будем приобретать. Одни граждане за принца, другие за двор; мы между ними, они режутся, а мы ловим рыбу в мутной воде. Вы никогда не догадаетесь, что принесла мне битва при Шарантоне, где были убиты Танкред де Роган, де Шатильон и столько других вельмож: мои люди грабили их кошельки и ценные вещи, а я оставался в Париже. В день Шарантонской битвы весь Париж ушел на сражение, а мы — пятнадцать человек — ограбили более пятнадцати домов, там драгоценности и дублоны лежали в изобилии, а защитниками имели только женщин и детей.

— Это хорошо, я согласен,— сказал один из разбойников,— но это бывает не каждый день, шарантонскому делу минуло уже два года.

— У меня есть план, говорю вам, чтоб подобное дело повторялось десять раз в день, если я захочу.

— Твой план, Ле Мофф, твой план? — закричали все разбойники в один голос.

— Я скажу его только тем, кто будет мой и телом и душой, без ограничения, без низости.

Никто не успел сказать и слова в ответ, потому что раздался звон разбиваемых стекол, смешанный со звуком голосов на улице. Ле Мофф

бросился в ту сторону с ужасными ругательствами; он смутно понимал, что было причиной этого шума.

Молодой человек на тощей лошади ехал по Сент-Антуанской улице — как будто ехал наудачу, как будто первый раз попал в большой город. Когда его лошадь поравнялась с гостиницей «Красная Роза», одно из узких окон первого этажа отворилось и из него высунулась белая женская рука.

— Милостивый государь,— сказал голос за стеклом,— кто бы вы ни были, помогите мне.

Молодой человек поднял голову к окну и остановил свою лошадь.

— Милостивая государыня,— отвечал он,— разве вас удерживают насильно в этом доме?

— Да, поспешите помочь мне, или я погибну.

— Я очень буду рад, но каким образом? Вас стерегут, я вижу их в зале и в таком большом количестве, что один человек, будь он Ахиллес или Ролан, не может с ними сладить.

— Увы!

— Но вы можете выпрыгнуть в окно; вы упадете ко мне на руки, и, так же справедливо, как меня зовут Гонтран Жан д'Ер, я провожу вас, куда вы захотите.

— Меня заперли, и даже окно заперли замком.

— Разбейте стекло стулом, поленом, что попадется под руку.

Дама не отвечала, но через минуту стекла в окне разлетелись вдребезги. Молодой человек, увидев успех и рассудив, что минуты драгоценны, подъехал к дому и протянул руки к окну, из которого уже выпрыгивала женщина, просившая его помощи. Но он не успел привести в исполнение свой великодушный поступок; в темноте, в двух шагах от него, раздался свист, и сильная рука, схватив его лошадь за узду, отбросила ее на середину дороги. Незнакомец, схватившийся за шпагу, немедленно был окружен толпой грозных и страшных людей. Он узнал больше с неудовольствием, чем со страхом, что он окружен теми негодьями, которых видел пьянствующими в нижней зале гостиницы. Отступить, вероятно, было не в его характере, он заставил свою лошадь стать на дыбы, чтобы избавиться от самых дерзких.

— Вы освободите эту даму! — сказал он громким и повелительным голосом.

Никто не отвечал. Несмотря на темноту, он снова увидал себя

окруженным шайкой и почти тотчас почувствовал, что лошадь падает под ним. Верно, несчастному животному проткнули бока шпагой. Всадник упал, но с ловкостью опытного воина тотчас же очутился со шпагою в руке — один против всех этих ожесточенных людей, составив себе укрепление из тела своей лошади.

— Убейте его! Никакой пощады! — приказал один голос.

— Меня не просто убить, низкие негодяи! — отвечал незнакомец, нанося уколы направо и налево.

Однако борьба не могла быть продолжительной, и мужественный защитник незнакомки был бы неминуемо убит, если бы в темноте не раздался новый свист, на этот раз тихий и сдержанный. Однако его услышали все, и поле битвы немедленно опустело. Но молодой человек не освободился от нападающих, самые решительные бросились на него, окружили и, в отмщение за то, что двоих своих оставили на мостовой, проткнутых сильной шпагой, увлекли его к гостинице, дверь которой захлопнулась с шумом.

— Это патруль, — сказал Ле Мофф. — Если он войдет сюда, чтоб не было крови!

Наклонясь к полу, он потянул большое кольцо, открылась опускающаяся дверь на черную и крутую лестницу.

— Ну! — скомандовал он.

Должно быть, разбойники привыкли к этому или умели понимать своего начальника с полуслова: пленник, который при свете ламп оказался молодым красивым мужчиной, был брошен в эту яму с такою жестокостью, что покатился в бездну с криком отчаяния. Дверь опустилась тяжело над отверстием, на дверь поставили стол, за него сели человек десять, так чтобы скрыть все следы этого действия. Впрочем, несчастный молодой человек уже не кричал.

Прошло несколько минут, три удара послышались в дверь гостиницы. Хозяин, несколько не колеблясь, пошел отворить. В полусвете, производимом на улице отблесками луны, появилась человеческая фигура на лошади. Трактирщик взял лошадь за узду, и фигура спрыгнула на землю с беспримерной легкостью.

Человек, костюм которого не позволяла рассмотреть темнота, вошел в залу твердыми и смелыми шагами. Все переглянулись с удивлением: особа, вошедшая таким образом в это странное общество, была... женщина в длинной амазонке и с маской на лице.

— Мэтр Ле Мофф,— обратилась она к атаману разбойников,— я должна поговорить с вами. Проводите меня в комнату, где мы будем одни.

Атаман схватил одну из ламп и пошел вперед, но в ту минуту, как он отворял дверь другой комнаты, он обернулся к двум людям, спускавшимся с массивной лестницы, которая вела на верхний этаж.

— Ну, что?

— Она не шевельнется,— отвечал один из этих людей со злой улыбкой.

— Теперь, сударыня, я к вашим услугам,— сказал Ле Мофф незнакомке.

Глава II

СЕМЕЙСТВО МАНСО

Жак Мансо был синдиком, старшиной рыночных носильщиков. Высокий и сильный, как Геракулес, с громким голосом, с широкой и тяжелой рукою, с румяным лицом, со всеми признаками необыкновенно доброй натуры. Жена его держала овощную, фруктовую и зеленую лавку на рынке Невинных. Это была женщина среднего роста, с живым лицом, с пронизательными глазами, с проворными ногами и руками, с громким и резким голосом. Она была также очень добра, но ее вспыльчивый характер заставлял мужа бояться ее, этот добрейший и сговорчивый человек в величии своей силы противопоставлял ее брани и гневу только кроткую и сострадательную улыбку.

От этого честного брака среди домашних бурь родились две дочери. Маргарита унаследовала живость матери, умеренную спокойным доброжелательством отца, она была одним из тех совершенных созданий, которые составляют радость и славу семьи. Она была хороша, даже очень хороша и славилась своей миловидностью на рынке, куда иногда приходила с матерью.

Мария, вторая дочь, была двухлетним ребенком, любимицей всего рынка. Все торговки, когда мать или сестра приводили ее в ряды, осыпали девочку ласками.

Мансо жили в доме, имевшем на улицу одно окно. Высокая крыша этого дома поднималась над улицей Потри, недалеко от рынка Невинных. В зале нижнего жилья семья завтракала, обедала, тут же производились работы, которыми распорядилась Маргарита. Через эту залу надо было непременно проходить, чтобы переносить каждый вечер на небольшой дворик остатки товаров, которые нельзя было оставлять на ночь на рынке.

В тот день, против обыкновения, с тех пор, как королева-мать и кардинал Мазарини отделили от себя сердца народа и буржуазии, не били в барабаны на парижских улицах. После ареста принца Конде и изгнания герцогини де Лонгвилль мир между различными партиями,

который так долго готовили к подписанию, обещал наконец сменить уличные волнения. Все интересовались друг у друга новостями.

Освобождены ли принцы? Восторжествует ли парламент? Окончательно ли отослан Мазарини, а принцы освобождены? Герцогиня де Лонгвилль, де Бофор, Д'Эльбеф и другие будут ли иметь власть? Это был всеобщий вопрос, с тех давних пор, как началась междоусобная война. С этим вопросом парижане просыпались каждое утро.

Госпожа Мансо воротилась с рынка, ее муж принес на спине в гигантской корзине много провизии, которую надо было убрать. Стало уже так темно, что Маргарита вынуждена была зажечь лампу. Госпожа Мансо казалась не в духе. Старшина, освободившись от своей ноши, нежно поцеловал Маргариту, потом опять взял корзину своими сильными руками, перенес ее на двор и повесил на толстый крюк, нарочно устроенный для этого.

— Я не продала и на шесть ливров сегодня,— сказала мать, садясь и складывая руки на колени,— а у меня на целый пистоль зелени, которая завтра не годится даже свиньям.

— Ба! — сказал гигант, пожимая плечами.

— Этому все причиной Мазарини.

— Он или другие.

— Он! Он один! — сказала госпожа Мансо, и глаза ее вдруг засверкали.

— Мама,— осмелилась сказать Маргарита кротким голосом,— сегодня на улице говорили...

— Что говорили? — спросила госпожа Мансо, которая, терзая мужа, всегда смягчалась к дочери.

— Что скорее принцы — причина наших неприятностей и что лучше бы их оставить в тюрьме.

— Клевета! — сказала госпожа Мансо, вставая с негодованием и подходя к мужу, сжав кулаки.— Это такие люди, как ты, мосье Мансо, повторяют эту ложь. Если бы вы не были такими трусами, мы скоро прогнали бы метлами этого итальянца на его родину.

— Милая моя...— попытался умиротворить ее синдик.

— Молчи, ты говоришь только глупости.

— Мама,— сказала Маргарита.

— Ну! Что еще?

— Уверяю вас, что Жолье, угловой лавочник, имеющий голос в

ратуше, переменил мнение насчет кардинала.

— Это флюгер. А я слышала однажды, как твой Жолье предлагал прицепить его к своей вывеске.

— Он говорит, что это великий министр, и мой кузен Рене считает так же,— прибавила Маргарита.

— Рене дурак.

— Где он сегодня? — с участием спросил Жак.

— Папа, ты же знаешь, что коадьютор расположен к нему. Он прислал за ним.

— Возможно ли? Такой человек? — сказала госпожа Мансо.— Надеюсь, что Рене воротился, вылечившись от своего восторга к Мазарини.

— Он говорит, что коадьютор, хотя и ненавидит кардинала, имеет о нем такое же мнение.

— Ну! Да, это хитрец! Но также и плут, обманывающий всех. Он обманет принцев и весь парламент, если мы допустим это. К счастью, рынки не дремлют.

Носильщик пожал плечами.

— Да, рынки и де Бофор также. И я надеюсь, что ты пойдешь вместе с нами.

— Надо будет.

— Право, Мансо, я удивляюсь тебе, будто ты ничего не чувствуешь! Разве не ты ударом плеча опрокинул карету, которая везла Брюсселя в Бастилию?

— Ну да.

— С того дня Мазарини и Комминг стали твоими врагами: стало быть, ты фрондер.

— А! — отвечал синдик, показав ряд зубов, белых и крепких, способных раскусить кремень.

— Только осмелюсь утверждать противное.

— Я ничего не буду утверждать.

— Послушать тебя, так подумаешь, что ты за Мазарини, как Маргарита, которая...

— Мама, вы знаете, что я ни за кого, разве только за то, чтобы все было спокойно, чтобы ваши дела шли хорошо и чтобы вы не портили себе кровь, горячася за людей, которые насмежаются над вами за глаза.

— Никогда этому не поверю!

— Помните, что вам сказала герцогиня де Лонгвилль в тот день, когда я ходила поздравлять ее с именинами вместе с вами.

— Твоя прелестная и добрая крестная мать! Вот женщина, которой следовало бы быть королевой Франции и Наварры!

— Она вам сказала, я помню, как будто это было вчера: «Моя добрая Мансо, делу, которому я служу, нужны все; но так как во всяком деле нужны жертвы, я была бы в отчаянии, если бы вы оказались в числе жертв. Оставайтесь спокойно дома, когда бьет барабан. Подумайте, что у вас есть честный муж и дочь, которые нежно любят вас и которых ничто не утешит в вашей потере».

При этих словах, сказанных простым и нежно-убедительным голосом, носильщик поднес к глазам руку, а госпожа Мансо вынуждена была вынуть носовой платок, чтобы отереть крупные слезы, вдруг омочившие ее лицо. Маргарита подошла к матери и нежно поцеловала ее. Вдруг какая-то женщина быстро вошла с улицы, заперла за собой дверь, бросилась к лампе и задула ее.

— Кто тут? — повелительно спросила госпожа Мансо, между тем как ее муж вставал, грозно поднимая кулаки.

— Это ты, Рене? — спросила Маргарита, не разглядевшая женского платья вошедшей.

— Кто там? — в свою очередь, спросил хозяин грозным голосом.

— Это я, не бойтесь ничего, друзья мои.

— Кто вы?

— Герцогиня де Лонгвилль.

— А! — воскликнули сразу три голоса с величайшим удивлением и участием.

— Мансо, посмотрите, не гонятся ли за мной, но будьте осторожны.

Жак отворил дверь, между тем как три женщины прошли во двор. Скрестив руки и глядя на проходящих, Жак спокойно прислонился к столбу. К лавке подошел человек и, не останавливаясь, быстро заглянул в открытую дверь.

— Разве у нас сегодня не зажигают огня?! — вскричал Мансо, возвращаясь в комнату.

Взяв кремень и огниво, он начал высекать огонь, нарочно бросая тысячу искр, и ему показалось, что тот же самый человек опять появился против двери, остановился на секунду и продолжил свой путь.

Мансо зажег лампу, спокойно сошел с двух ступеней, защищавших

порог его дома от парижской грязи, и приставил ставень к стеклянной двери, что он делал каждый вечер; потом закрыл ставнями оба окна. Он не смел пойти к женщинам, но дочь позвала его. Жак поднялся на верхний этаж и очутился в темноте. Три женщины разговаривали у кровати маленькой Марии.

— Любезный Мансо, вам надо проводить меня в отель Ван-дом,— сказала герцогиня.

— Хоть на край света.

— Не скрою от вас, что на меня могут напасть.

— У меня есть палка и довольно крепкие кулаки,— просто отвечал носильщик.

— Напасть на вас! Вас все так любят! — удивилась госпожа Мансо.

— Любезные друзья, Мазарини, изгнавший меня, был бы очень рад держать меня в тюрьме, как он когда-то держал там де Бофора и как держит моих братьев, но сегодня вечером я, напротив, должна бояться моей партии.

— О боже!

— Вот печальные последствия междоусобной войны. Но я не хочу обвинять никого. Сегодня мне нужно видеть де Бофора, а завтра, я надеюсь, мне нечего будет опасаться.

— Герцог де Бофор не способен на плохое! — вскричала госпожа Мансо.

— Он! О, конечно, я в этом уверена,— произнесла герцогиня де Лонгвилль с легким вздохом.

— Такой достойный принц!

— К несчастью, есть одна дама...— сказал кроткий и в то же время твердый голос Маргариты.

— Пойдемте! — с живостью предложила герцогиня, которая, вероятно, не хотела продолжать разговор об этом щекотливом предмете.

— Хотите послушаться моего совета? — спросил носильщик.

— Очень он нужен! — колко возразила его жена, не имевшая большого доверия к идеям супруга.

— Напротив, друг мой, говорите,— любезно сказала герцогиня.

— Я знаю Париж, и, вероятно, улицы наполнены миллионами шпионов.

— Да, я узнала одного негодяя, прогнанного из моего дома, куда он успел забраться как лакей.

— Почему бы вам не надеть платье вашей крестницы?

— Герцогиня не унижится,— с негодованием заметила госпожа Мансо.

— Напротив, прекрасная мысль, друзья мои! — с живостью воскликнула герцогиня де Лонгвилль.— Поскорее, милая Маргарита, поспешим.

Через десять минут герцогиня де Лонгвилль, сестра принцев Конде и Конти, одна из знатнейших дам Франции, положила свою прелестную руку на сильную руку простолюдина и совершенно спокойно пошла по улицам Парижа, на которых тогда господствовало большое смятение.

— Да защитит ее Господь! — сказала Маргарита, запирая дверь.

— Мансо первый силач на рынке, достанется тем, кто нападет на нее.

— Она идет видеться с де Бофором. Чего она от него хочет?.. Должно быть, он очень ей нужен, если она осмелилась на такой поступок: ведь он ее любил!

— Сплетни!

— Куплеты, сочиненные на непостоянство де Бофора, когда он предпочел ей мадам де Монбазон, известны, мама.

— Де Бофор может любить кого хочет, и самый красивый мужчина в Париже может любить мадам де Монбазон, первую красавицу при дворе.

— От которого и она также изгнана,— сказала Маргарита со вздохом удовольствия.

— Это правда. О! Этот Мазарини! Если бы могли его изжарить! Преследовать таких знатных людей! Особенно герцога де Бофора! Держать его в тюрьме три года! Ах! Маргарита, как жаль, что ты неблагородная! Ты могла бы выйти за него.

— О! Мама, кажется, герцог де Бофор совсем не думает о женитьбе.

— Молчи, злая! Если он внук короля Генриха с левой руки, это не причина, чтобы клеветали на него, это самый добродетельный принц!

Маргарита закашлялась со значительным видом и засмеялась, но мать не любила насмешек на этот счет. Она хотела рассердиться, но в этот момент в дверь сильно постучались.

— Это не может быть Рене,— сказала госпожа Мансо.

— Кто там? — спросила испуганная Маргарита.

— Отворите, отворите! — испуганно произнес взволнованный голос.

— О боже мой! Рене! Что с ним? — закричала Маргарита со слезами на глазах.

Госпожа Мансо знала Париж и, хотя она не была робкой, однако сочла благоразумнее сначала спуститься на первый этаж и посмотреть в окно.

— Отвори! Отвори! — закричала она, поспешно спускаясь с лестницы.— Ах! Негодяи! Негодяи!

Маргарита быстро открыла дверь и с испугом отступила. Вошел крестьянин, поддерживая Мансо, у которого лицо было окровавлено и который, казалось, был готов испустить последний дух.

— Папа! — воскликнула молодая девушка, помогая крестьянину довести отца до стула.

— Я ничего не вижу,— сказал он слабым голосом.

— Это вы, деверь! — воскликнула госпожа Мансо, входя в комнату.

— Я привел к вам Жака в прекрасном состоянии.

— Что же такое случилось? — вскричала торговка, суетясь около мужа, между тем как дочь перевязывала широкую рану, которая была у него на лбу.

— Надо доктора,— сказал крестьянин.

— Бегу! — поспешно согласилась госпожа Мансо, выбегая из дома.

— А она?..— с тревогой спросила Маргарита.

— Исчезла... похищена!

— О боже!

— Я пришел из Гонесса,— сказал крестьянин,— и хотел идти сюда, как вдруг услышал на улице шум, я узнал голос Мансо. Он упал от удара шпаги в голову. Разумеется, я и не подумал защищать эту госпожу.

— Томас, ты меня обесславил! — вздохнул носильщик.

— Это была герцогиня де Лонгвилль,— прибавила Маргарита.

— Фрондерка! Тем хуже для нее! Я держу сторону короля и кардинала!

— Тише, дядюшка, если мама вас услышит!..

— Человек, командовавший убийцами...— сказал Мансо.

— Ну?..

— Я его знаю, это...

Мансо не мог сказать больше ни слова, истощенный от потерянной крови, он лишился чувств. Госпожа Мансо воротилась и ввела за руку

герцогиню де Лонгвилль.

— Герцогиня спасена! — вскричала Маргарита.

— Шш...

Торговка обернулась и пропустила доктора, которому указала на мужа.

Пока доктор занимался носильщиком, герцогиня увела молодую девушку на двор.

— Маргарита,— сказала она,— ты моя крестница, и я тебя люблю, надо оказать мне важную услугу. Эта попытка к похищению... Я смогла спастись лишь благодаря темноте, но попытка, наверно, возобновится. Предполагая, что я не застаю герцога де Бофора, я приготовила письмо. Ты должна отнести это письмо к нему.

— Я к вашим услугам, приказывайте,— произнесла Маргарита с готовностью.

— Возьми! — сказала знатная дама, подавая Маргарите записку.

— Он получит письмо, клянусь вам.

— Но если увидят, как ты выйдешь отсюда? Этот квартал должен быть окружен.

— Я знаю проход почти напротив нашего дома.

— Берегись, дитя, а если у тебя отнимут это письмо...

— Не отнимут, клянусь вам.

— Ступай скорее.

Герцогиня проводила Маргариту до двери. Госпожа Мансо так была занята своим мужем, который все не возвращался к жизни, что не заметила ухода дочери.

— Ах! Если мазаринцы убили его, пусть они дрожат! — сказала она со свирепой энергией.

Герцогиня была права: квартал действительно окружили, и Маргарита не сделала по улице и тридцати шагов, как была остановлена и похищена, как перышко, шайкой разбойников. Это Маргариту Мансо люди Ле Моффа заперли в гостинице «Красная Роза». Но капитан вообразал, что он захватил герцогиню де Лонгвилль.

Глава III

ВНУК КОРОЛЯ-ВОЛОКИТЫ

В ту эпоху королева ездила в рестораны. В конце Кур, модного места прогулки на юго-западном краю Тюильрийского сада находилось заведение знаменитого, модного ресторана Ренара. Имевший вид на Сену прекрасный сад с итальянскими террасами, с многочисленными беседками, с таинственными боскетами^[1], давал густую тень любовным свиданиям и сумасбродным гульбищам.

В тот день, возвращаясь с прогулки, королева остановилась у Ренара, и, так как погода была прохладной, она приказала подать горячее питье. Вместе с ней были мадемуазель де Монпансье, мадам де Сенси, мадам де Готфор, мадам де Фьеск и мадам де Фронтенак. Несколько дворян поспешили приветствовать королеву; между ними находились герцоги де Кандаль, де Бар и маркиз де Жарзэ.

Анне Австрийской было около сорока шести лет. Это была уже не та молодая, слабая, беззаботная королева, которая составляла заговоры с герцогиней де Шеврез и с мадам де Шале против страшного кардинала де Ришелье. Она еще обладала удивительной красотой, но лета и набожность совершенно изменили направление ее мыслей. Ее доверие, если не сказать — вся ее нежность, отданная Мазарини, заставили ее действовать сообразно желаниям обожаемого министра.

В эту пору борьба носила другой характер. Именем короля, следуя советам Мазарини, Анна Австрийская сражалась со своим народом. Хотя ее поддерживал величайший политик того времени, королева тревожилась. И в тревоге, вместо того чтобы следовать умеренным советам любимца-дипломата, она, все еще находясь во власти вдохновения, вызванного когда-то пылкой герцогиней де Шеврез, захотела круто повернуть дела.

Но теперь герцогиня де Шеврез, которую лета не сделали ни набожной, ни жеманной, была против нее, или правильнее сказать, против ее министра.

Королева, когда вошла к Ренару, находилась в тревожном

расположении духа и была очень рада удержать возле себя де Бара и де Жарзэ.

— Господа,— сказала она,— не правда ли, стыдно видеть подобные вещи?

— Какие?

— Сейчас буржуазия и народ, стоявшие вдоль дороги, холодными и любопытными глазами смотрели, как проезжал их король. Между тем как через минуту, когда проезжал де Бофор, раздались крики радости и любви.

— Ваше величество, герцог де Бофор рыночный король,— с презрительным видом произнес герцог де Бар.

— Герцог де Бофор забывает, что мы закрыли глаза на его побег и что в Бастилии готова для него комната.

— Я капитан телохранителей,— продолжал маркиз де Жарзэ,— и, если ваше величество мне прикажете, герцог де Бофор сегодня же будет опять в своей тюрьме.

— Нет,— с живостью сказала королева,— я не хочу возмутить против себя весь этот народ и надеюсь, что герцог скоро совершит какое-нибудь сумасбродство, которое погубит его в глазах его партии.

— Ваше величество,— возразил герцог де Бар,— три года, проведенные в тюрьме, сделали из сумасброда мудреца.

— Что за идея!

— Я знаю людей; герцог де Бофор внешне выказывает прежнее сумасбродство, но бывают минуты, когда его прекрасная голова склоняется на грудь, глаза покрываются туманом, и он впадает в мрачные размышления.

— Герцог, возможно, прав,— согласилась Анна Австрийская.— Герцог де Бофор — внук Генриха Четвертого, который всегда выпутывался из ловких козней королевы Катерины.

— Угодно вашему величеству, чтобы я освободил вас от этого дерзкого рыночного короля? — предложил Жарзэ.

— Каким образом?

— Обыкновенным проступком, который всегда может предоставить случай. Ссору затеять легко, и хотя де Бофор внук короля, он довольно храбр и не откажется скрестить шпагу с простым дворянином.

— Нет, нет, не делайте этого, Жарзэ! — воскликнула королева, сердце которой забилося.

— Мосье де Жарзэ,— сказала мадемуазель де Монпансье,— герцог де Бофор, хотя и враг кардинала Мазарини, слуга королевы, он не может забыть милостей, которыми ее величество одаривала его.

— Это правда,— согласилась Анна, несколько покраснев,— он прежде был самым преданным из моих слуг.

— И теперь,— продолжала принцесса,— я уверена, он не изменил своих чувств.

— Однако он идет против моего министра, следовательно, и против меня.

— Ваше величество,— продолжал герцог де Бар,— де Бофор имеет очень сильную поддержку среди черни. Чернь чтит память короля Генриха, а память прелестной Габриэли окружена романтической легендой. Кто знает, чем это может кончиться? Французы легкомысленны и легко поддаются энтузиазму; наступит момент, когда они, пожалуй, и не обратят внимание на незаконное происхождение этого человека.

— Что вы хотите сказать? Он на французском троне!

— Он или Конде. Все, что происходит, ведет к этому. Разве коадьютор не мечтает о тиаре?

— Мы все это приведем в порядок, господа.

— Если бы ваше величество прислушались к тому, что я говорил сейчас,— возразил Жарзэ.

— Что такое?

— Если вашему величеству угодно присутствовать при любопытном зрелище, выйдите на террасу, которая возвышается над садом. Скоро настанет час, когда де Бофор и его друзья прогуливаются в Тюильри. Герцог де Бар и еще несколько дворян, которые, я знаю, находятся здесь, мы не пустим их на дорогу.

— Я вам это запрещаю, Жарзэ! — сказала королева слабым голосом, но улыбаясь.

— Ваше величество мне запрещаете?

— Да.

— Обнажать шпагу в Тюильри, так как это королевский сад? Но, смею надеяться, вы мне не запрещаете показать рыночному королю, что его ложное звание неприятно его повелителям.

— И этого я не хочу.

— Берегитесь, если кардинал будет упорно держаться кротких мер,

король скоро будет вынужден бежать из своей столицы, как это уже было.

— Вы думаете?

— Кoadьютор волнуется больше прежнего, аббаты вчера и сегодня проповедовали против Мазарини, все это не предвещает ничего хорошего.

Королева обернулась к мадемуазель де Монпансье.

— Вы слышите, опять ваш отец принялся за свое, он заодно с этими людьми.

— Ваше величество, отец мой предан вам, он вам клялся.

— Принц Гастон приучил нас к своим клятвам после гибельной истории с Шале.

— Ваше величество...— сказала принцесса, сильно покраснев.

— Ваше величество,— вмешался Жарзэ, сжалившись над положением мадемуазель де Монпансье,— я придумал план.

— Какой?

— Приучить парижский народ к имени Мазарини, которое внушает ему такое сильное отвращение.

— Сейчас я слышала крики: «Долой Мазарини!» — нахмурила брови королева.

— А я,— сказал герцог де Бар,— решил освободить вас от Бофора. Если Жарзэ не успеет, я берусь за это.

Жарзэ и де Бар, низко поклонившись королеве, ушли. Через несколько минут они вошли в Тюильри в сопровождении герцогов де Кандаля и де Монморанси, сына казненного де Бутвилля, де Ногарэ, де Ла Валлетта, де Ланикана, де Ревиньи и других.

В ту минуту, как они выходили из сада Ренара, мадемуазель де Монпансье немного отстала от королевы, которая направилась к террасе с намерением присутствовать при сцене, обещанной Жарзэ. Принцесса сделала знак графине де Фронтенак, одной из ее статс-дам, и та поспешно подошла, угадав бурные мысли, волновавшие душу ее повелительницы.

— Ради бога, графиня, велите сию минуту предупредить герцога о том, что затеяно.

— Я сама побегу, ваше высочество.

— Это еще лучше. Ступайте скорее.

Любопытствуя посмотреть на происходящее, мадемуазель де

Монпансье подошла к королеве, желая в глубине сердца неудачи де Бару, которого она терпеть не могла, и желая счастья де Бофору, к которому, по-видимому, не питала ни малейшей ненависти.

Франсуа де Вандом, герцог де Бофор, был сыном Сезара де Вандома, родившегося от Генриха IV и Габриэли д'Эстрэ. Теперь это был тридцатидвухлетний мужчина, красивый и белокурый, как Аполлон, храбрый выше всяких похвал, всегда готовый на отважные поступки. Вокруг него сгруппировались все недовольные — и прежде и после его побега из Бастилии. Они помнили слова королевы, провозгласившей его, когда он ей был нужен, самым честным человеком во Франции.

Как сказал маркиз де Жарзэ, герцог де Бофор имел привычку гулять каждый день в главной аллее Тюильрийского сада. Пока де Жарзэ составлял против него заговор с де Баром и с королевой, де Бофор вошел в сад, сопровождаемый, по обыкновению, дворянами и вельможами, которые почитали за честь сопутствовать этому популярному и очаровательному принцу. Париж с удовольствием находил в нем блестящие качества и милые недостатки короля-волокиты.

Фамильярно опираясь на руку герцога де Бриссака и беседуя с ним, де Бофор не успел сделать и трех шагов по аллее, как графиня де Фронтенак, которая шла к нему в сопровождении пажа мадемуазель де Монпансье, сделала вид, будто выходит из глубокой задумчивости и только что заметила его. Она посторонилась с дороги, чтобы пропустить принца, но тот, оставив Бриссака, поспешно пошел ей навстречу, сняв шляпу. Графиня де Фронтенак протянула ему свою руку, и он, поклонившись, поднес ее к своим губам.

— Как, графиня, вы уже уходите из сада? — спросил де Бофор, идя с нею по главной аллее.

— Да, монсеньор, я оставила королеву и мадемуазель де Монпансье у Ренара и вдруг вспомнила, что сегодня постный день и что я обещала моему духовнику строгое воздержание.

— Ах, боже мой! Какие же грешки совершили вы, графиня, если на вас наложено такое покаяние?

— Если я вам скажу, вы мне не поверите.

— Клянусь честью дворянина, мне было бы очень любопытно это узнать.

— Мой духовник упрекал меня в самых сильных выражениях, что я

интересуюсь участью одного фрондера, и угрожал за это вечной погибелью моей души.

— Скажите пожалуйста. Вам надо переменить духовника.

— Я серьезно думала об этом, когда ваше высочество встретили меня, и, так как случай прислал мне такого хорошего советника, мне ничего более не остается, как посоветоваться с ним.

— Графиня, выберите коадьютора.

— У него больше кающихся, чем минут в сутках.

— Это клевета.

— Да, да, защищая его, вы говорите о себе.

— Разве у меня есть кающиеся?

— Клиентки, если вы хотите!

— Вы хорошо знаете, милая графиня, что у меня только одна клиентка.

— Кто же это?

— Надо ли называть ее?

— Может быть, я? О, какое сумасбродство! Какой вы ветреник!

— Вот что значит искренность! Нам не верят, потому что все мужчины имеют репутацию непостоянных.

— А герцогиня де Лонгвилль? А герцогиня де Монбазон? А герцогиня де Шеврез? А мадам де Фьеск? А...

— Ради бога, графиня...

— А Жантон, Марго, Като, Луизон, Марион, Жарникотон?..

— Пощадите меня!

— Двор и город, переулки и рынки, монсеньор. Признайтесь, что я была бы в обществе слишком многочисленном, чтобы надеяться отнять у вас час... в неделю.

— Вы восхитительны, но...

— Я не говорю об одной даме...

— Какой даме?

— Эту вы угадываете.

— Нет, клянусь душой.

— Я не скажу вам ее имя, но я отведу вас туда, куда она посоветовала мне вас отвести.

— Куда это?

— К коадьютору, чтобы по вашему ходатайству он выбрал мне духовника.

— Графиня, вы смеетесь?

— Нет, клянусь вам,— отвечала графиня с величайшей серьезностью.

— Ну! Пойдемте к коадьютору.

— Сюда, герцог, вот в эту калитку.

— Хорошо, мы уйдем отсюда, милая графиня, но позвольте мне прежде дойти до конца аллеи, я вижу там некоторых господ, которым мне не хотелось бы уступать дорогу.

— Э! Монсеньор, мне кажется, эти люди слишком веселы.

— Это правда.

— Они расположены затеять ссору со всеми, и я была бы в отчаянии...

— Не советую никому затевать ссору со мной, графиня. Этим господам менее, чем кому бы то ни было,— если не ошибаюсь, в первом ряду маркиз де Жарзэ и герцог де Бар.

— Именно так.

Графиня видела, что не осталось никакой возможности не допустить принца, храброго и смелого, следовать по начертанному им пути. Обе группы, шедшие навстречу друг другу, находились уже шагах в тридцати одна от другой, когда у калитки сада, выходявшей на реку, возник большой шум.

— Это что? — спросил де Бофор, остановившись и указывая на берег кончиком своей трости.

— Это добрые люди, произносящие ваше имя, монсеньор.

— Да, я слышу.

— Часовой не пускает их в сад.

— Надо узнать, чего они хотят, я пошлю кого-нибудь туда.

Герцог обернулся к окружавшим его дворянам, но крики усилились и вынудили его самого поспешно направиться к калитке.

— О боже! — вскричала графиня де Фронтенак, последовавшая за ним.— Я примечаю в толпе окровавленного человека.

Герцог, подойдя к калитке, сделал знак солдату, который пропустил толпу. Толпа состояла из людей разного звания, в ней больше всего было рыночных носильщиков, а также множество торговков — с растрепанными волосами, с пеной у рта от гневных выкриков.

— Герцог де Бофор! Герцог де Бофор! Мщение! Мщение!..— кричали женщины, между тем как мужчины только испускали глухие

восклицания, хотя и сдержанные, но похожие на отдаленный рев льва.

— Что такое? — спросил герцог, подходя с той благородной осанкой и с той совершенно особенной грацией, которые так легко покоряли сердца черни.

Круг раздвинулся перед ним, и он очутился около Жака Мансо, которого, с окровавленной повязкой на лбу, поддерживал какой-то молодой человек.

— Монсеньор, — сказал молодой человек, — я племянник Жака Мансо, который захотел сам обратиться к вам за правосудием.

— Говори, друг мой, — обратился герцог к носильщику.

— Монсеньор, вы всегда поддерживали слабых против сильных, и я пришел просить вас приказать возвратить мне мою дочь.

— Твою дочь?

— Да, мою старшую дочь, похищенную, вероятно, каким-нибудь старым... Она исчезла, мать разыскивает ее по всему Парижу, кричит ее имя на всех улицах, надеясь таким образом найти убежище убийц.

— Но как же это случилось?

— Монсеньор, — ответил молодой человек, — ради бога, не оставляйте нас! Я люблю Маргариту всей душой, она моя невеста, если она не будет мне возвращена, я наделаю много бед.

— Она будет возвращена тебе, друг мой, клянусь тебе, клянусь вам всем. Но для того, чтобы выполнить обещание, надо прежде всего узнать виновника этого гнусного поступка.

— Монсеньор, я осведомлялся, — отвечал Рене, — и узнал, что в этом деле замешан один из ваших людей.

— Один из моих людей!

— Ле Мофф, — сказал Жак, — я узнал его среди тех, которые так отделали меня, а мой племянник Рене уверился в этом, расспросив одного из разбойников, которыми тот командует.

— Ле Мофф не мой, — отвечал герцог, — это негодяй, нанимаемый кем угодно, пока не попал на виселицу.

— Человек мне признался, что Ле Мофф служит вам уже три дня.

— Неправда, человек солгал.

— Герцог, мы не сомневаемся в вашем слове, вы довольно известны парижанам, но теперь мы лишены вашей помощи и надежды на мщение.

— Монсеньор, — сказал носильщик, — я прошу вашего правосудия не за тот удар шпаги, который я получил. Слава богу, у меня голова

крепкая, я выздоровлю, но моя дочь...

— Твою дочь я хочу тебе вернуть, но для этого мне нужен Ле Мофф, я сумею заставить его признаться, где он ее спрятал. Если будет нужно, я отдам его в Шатле.

— Где он может быть? — спрашивали друг друга присутствующие.

— Он основал свою главную квартиру в «Красной Розе», — сказал кто-то в толпе.

— Он исчез отсюда с нынешнего утра, — возразил Рене.

— Двадцать пистолей тому, кто приведет его ко мне, — сказал герцог.

— Деньги выиграны, монсеньор! — раздался громкий голос позади всех.

Толпа тотчас расступилась, и глазам всех предстал разбойничий атаман. Он стоял, спокойно прислонившись к дереву, скрестив руки, дерзко надвинув набекрень шляпу и держа шпагу между ног.

— Вот Ле Мофф! — сказали все не без страха.

Мансо, подняв голову, подошел к тому месту, откуда раздался голос, так знакомый ему. Но Рене опередил его и собирался броситься на атамана разбойников, которого по справедливости считал виновником своих несчастий.

— Позвольте! — сказал Ле Мофф, протягивая руку вперед. — Я только герцогу де Бофору дам отчет в своем поведении.

На эти слова толпа ответила ропотом, и, может быть, популярность де Бофора пострадала бы от намека разбойника, если бы любовь, внушаемая им народу, не была так глубока.

— Подойди и говори громко, — приказал принц, делая знак своей тростью, — я не имею секретов от этих добрых людей. Если им интересно узнать, что ты сделал с молодой девушкой, ты должен говорить при них.

— Э! Монсеньор, очень мне нужна девчонка такого рода.

— Негодяй! — закричал Рене, угрожая Ле Моффу.

— Зачем же ты ее похитил?

— Можно ошибиться.

— А! — сказал принц, смутно угадав, в чем дело.

— Возвращайтесь домой, господа Мансо, дядя и племянник, вы найдете там мадемуазель Маргариту здоровой и невредимой.

— Ты говоришь правду? — вскричал носильщик.

— Я сам отвел ее туда десять минут назад.

— Если ты это сделал, я прощаю твои прежние злодеяния и возвращаю тебе мое уважение.

— Ступай! — произнес разбойник с беззаботным видом, показывая, как мало он дорожил мнением этого честного простого человека.

— Друзья мои, — сказал герцог, — вы видите, виновный берется заглаживать свою вину, будем надеяться, что все забыто.

— Да здравствует герцог де Бофор! — закричала толпа, и часть ее пошла за обоими Мансо, а остальные остались любоваться герцогом, который продолжал свой прерванный разговор с графиней де Фронтенак.

— Маркиз де Жарзэ прошел! — проговорил герцог, смеясь. — Он скажет, что я отступил перед ним.

Он хотел продолжать прерванную прогулку, но подошел Ле Мофф.

— Извините, монсеньор, — смело сказал он, сняв шляпу, перья которой коснулись земли.

— Ты хочешь сказать мне еще что-нибудь?

— Да, монсеньор.

— Ну, говори.

— Я могу говорить только вашему высочеству.

— Я уже тебе объяснил, что не люблю этого. Может быть, мне понадобятся когда-нибудь твои услуги, но знай, что ты служишь не мне.

— Монсеньор, вы мне оказали бы большую честь, я охотнее служил бы вашему высочеству, чем любому из всех придворных вельмож.

— Я не отплачу тебе таким же комплиментом.

— Но вы удостоите меня выслушать?

— Говори же, если ты настаиваешь.

Герцог подошел к разбойнику, держа свою трость так, чтобы сохранять почтительное расстояние.

— Монсеньор, я пришел за тем, что вам известно.

— Что?

— Вы приказали передать мне, чтобы я пришел сегодня в Тюильри просить у вас остальную сумму.

— Какую сумму?

— Вам это известно.

— Перестань говорить загадками, негодяй, или я тебя прогоню. Объяснись яснее, я тебя не понимаю.

— Вчера ко мне пришел один человек и велел мне похитить... кого — вам известно. Он дал мне двести пистолей и обещал еще двести потом.

— Ты бредишь! Я велел тебе похитить дочь этого простого человека?

— Я сделал это от вашего имени.

— Негодяй, ты сделался сообщником в недостойном поступке.

— Которым пользуетесь вы, ваше высочество,— сказал разбойник со злой улыбкой.

— Которым пользуюсь я? Говори, я приказываю тебе. Объясни эту мрачную тайну, она начинает меня пугать.

— Вчера после того, как я принес известную особу в «Красную Розу», я выставил в окне условленный сигнал, а через час вы вошли в гостиницу в маске...

— Ты лжешь...

— Я видел сам.

— Презренный самозванец, давший тебе подобное поручение, воспользовался моим именем, чтобы совершить гнусный поступок.

И герцог, бросившись на Ле Моффа, схватил его за горло и позвал на помощь. Вельможи, стоявшие шагах в десяти, подбежали помочь герцогу, но разбойник успел вырваться из рук де Бофора и, бросившись назад, обнажил шпагу и встал в оборонительное положение за толстым деревом.

— Сдайся, тебе не будет сделано никакого вреда,— предложил де Бофор.

— Благодарю, монсеньор, я не доверяю словам принца.

Все бросились со шпагами в руках на негодяя, но он пустился бежать и скоро очутился на краю довольно широкого рва, за которым возвышалась небольшая стена, служившая оградой саду. Вельможи настигали уже Ле Моффа, тот сделал усилие и перепрыгнул через ров. Не дожидаясь, когда вельможи последуют его примеру, он начал перелезать через стену с ловкостью кошки или вора. Напрасно герцог бросил в него камень, Ле Мофф с громким хохотом спрыгнул по другую сторону стены.

— Я найду тебя, негодяй! — прокричал де Бофор.

— И в тот же день, монсеньор,— отвечал разбойник за стеной,— вы мне заплатите двести пистолей.

— Что такое, принц? Что все это значит? — спрашивали вельможи.

— Господа, этот человек был орудием гнусного заговора, и я с ним разделяюсь, клянусь вам... Но кто заговорщик?.. Заговорщик кто?.. О, я должен это узнать, от этого зависит моя честь.

— Ваша честь, герцог? — удивились присутствующие.

— Надеюсь это выяснить. Но как? Как? Все следы ускользают от меня.

— Расскажите.

— Нет, оставьте меня, прошу вас. Я хочу разгадать тайну и найти начало этой темной проделки. Мне нужны все шпионы, которыми располагает коадьютор. Я узнаю все.

Герцог, едва поклонившись своим друзьям и графине де Фронтенак, которая безмолвствовала от удивления и испуга, поспешно направился к той калитке, в которую ушли Мансо и чернь.

Когда герцог дошел до калитки, перед ним вдруг появилась закутанная в плащ женщина и, протянув руку, с торжественным видом преградила ему путь.

— Герцог де Бофор,— заговорила она,— можете вы мне сказать, где вы были в эту ночь?

Бофор с любопытством смотрел на незнакомку. Но не смог разглядеть ее лицо, только несколько светло-русых локонов выбивались из капюшона, покрывавшего ее голову.

— Милостивая государыня,— медленно произнес он,— такой вопрос...

— Я задаю его честному человеку, которого прошу мне ответить.

— Я не могу.

— О! Я знаю, что вы славитесь рыцарской любезностью и не хотите компрометировать некую особу, но мне известно, в чем вас обвиняют.

— Гнусная клевета!

— Итак, вы отпираетесь от того, что провели ночь в гостинице «Красная Роза»?

— Всеми моими силами и всей моей честью.

— Хорошо. Вы не получали записки?

— Нет. Если она была от вас, я об этом сожалею.

— К счастью, она непонятна другим,— задумчиво произнесла дама и хотела уйти.

— Но теперь позвольте мне вас спросить...— сказал Бофор,

удерживая ее движением руки.— К чему эти вопросы?

— Я объясню вам, когда вы найдете человека, который осмелился воспользоваться вашим именем, чтобы совершить это гнусное злодеяние.

— Когда я вас увижу?

— Вы узнаете это после.

— Я уверен, что знаком с вами.

— Может быть,— отвечала дама с едва сдерживаемым вздохом.

— Но...— начал герцог и хотел взять ее за руку.

— Не следуйте за мною, прошу вас, я обращаюсь к вашей чести.

Незнакомка бросила сквозь маску взгляд, который ошеломил герцога, и быстро пошла к набережной, где села в поспешно отплывшую лодку.

Бофор не стал преследовать ее и погрузился в глубокие размышления.

— Светло-русый локон! Только женщина, которую я любил, и та, которую люблю теперь, имеют такие волосы, где золото и солнце сливаются в таких восхитительных оттенках... Которая из них?

Он вдруг вздрогнул, внезапная краска покрыла его лицо.

— О! Эти бедные Мансо, надо их утешить, помочь им. Рынки провозгласили меня своим королем, я прежде всего обязан позаботиться о моем народе.

Один, без своей обычной свиты, он направился к набережной.

Глава IV

КОРОЛЕВСТВО ГЕРЦОГА ДЕ БОФОРА

В те времена парижские рынки были далеко не тем великолепным монументом, который составляет предмет зависти целой Европы — просто ограниченное пространство между улицами Сен-Дени, Прачечной и Железного ряда.

Со всех сторон фонтан Невинных окружали скромные лавчонки; товары на лотках и столах были большей частью под огромными зонтиками, защищавшими их от бурь и непогоды.

Место госпожи Мансо находилось на северной стороне от улицы Сен-Дени и почти посредине Железной улицы. Верная своим привычкам и покупателям, госпожа Мансо явилась на свое место рано на заре. Но беспокойство терзало ее душу, у нее не было сил вести торговлю, и вскоре она пошла по улицам, призывая громкими криками Маргариту, бросая на каждый дом взгляд разъяренной волчицы. Ярость и скорбь волновали ее сердце. Мало-помалу толпа женщин собралась вокруг нее.

Однако Ле Мофф не солгал.

Едва возвратилась она домой, полоумная от печали и усталости, как вдруг кто-то бросился ей на шею.

То была Маргарита.

— Матушка, это я! — радостно закричала она.

Мать крепко прижала ее к своей груди. Долго стояли они обнявшись и вдруг обе оглянулись.

Глазами Маргарита искала людей, которые привели ее домой и от которых она вырвалась, увидев мать, но они оба исчезли.

— Мы уже знаем, кто тебя похитил, — сказала мать, угадывая ее мысли.

— Знаете? — удивилась Маргарита, с испугом глядя на мать.

— Да, сейчас узнали. Твой отец тоже искал тебя, забыв о своей ране.

— Батюшка ранен?.. Правда, а я было забыла.

— Отец, опираясь на Рене, тоже звал тебя громким голосом, тогда ему закричали со всех сторон: «Маргариту похитил герцог де Бофор».

— Герцог! Полноте, матушка, не верьте этому.

— Я и не верю, однако это имя повторяли все, и твой отец отправился к герцогу.

— О боже! Мне надо...— закричала Маргарита, вырываясь из рук матери.

— Что тебе надо?

— Нет, это не он! Нет, нет... я уверена, не он, однако... тоже белокурые волосы... Ах! Если это так... Какой позор!

— Маргарита, что с тобой?

— Боже мой... у меня темно в глазах... Какие слова... Мне дурно, матушка, я умираю.

Бедная девушка упала без чувств, и если бы мать не поддержала ее, она разбила бы себе голову.

С помощью соседок, безмолвных и испуганных зрительниц этой сцены, госпожа Мансо перенесла дочь в комнату.

С самого утра малютка Мария была заперта одна в доме. Увидев мать, она бросилась к ней навстречу с улыбкой на лице и с глазами, полными слез: бедняжка не понимала, зачем ее оставили одну.

Но она перестала улыбаться, когда увидела без чувств сестру, которую положили на постель.

— Что с нашей Маргаритой? — спросила она.

— Ничего,— ответила мать, отстраняя ее.

— Не хотите ли, матушка Мансо, чтобы я увела с собой Марию на рынок? — спросила одна из соседок.

— Нет! — воскликнула бедная мать, с жаром прижимая к груди свою малютку.— Как бы и ее не украли!

— Какие глупости!

— Вчера еще радость царствовала в нашем доме, а теперь!

— Чего же горевать? Дочь ваша вам возвращена.

— Возвращена! — повторила госпожа Мансо, бросая мрачный взгляд на Маргариту.

Неподвижно лежала Маргарита, не отвечая на вопросы, не пошевелившись от sprыскивания холодной водой.

— У нее лихорадка! — сказала соседка.

— Надо сбегать за доктором Робером,— заметила другая,— он

пустит ей кровь.

— Нет,— возразила госпожа Мансо,— напротив нас живет господин Мондор, сходите за ним.

— За этим шарлатаном?

— Это настоящий ученый доктор,— настаивала госпожа Мансо, суется около дочери.

— Но он теперь у Нового моста продает свои лекарства.

— Правда? Так сходите за господином Робером.

Одна из женщин поспешно вышла, но почти в ту же минуту вернулась, ведя за руку толстого старика с большим веселым лицом, которому тот старался придать выражение суровости и величия.

— Вот и господин Мондор, я захватила его у порога его дома,— сказала соседка, сторонясь, чтобы уступить дорогу лекарю.

Толстяк подошел к больной и с важностью какой-нибудь знаменитости медицинского факультета взял ее за руку, чтобы пощупать пульс.

— Тут нет никакой опасности, просто обморок от сильного волнения.

— Но она умирает,— сказала госпожа Мансо.

— Говорю вам, нет никакой опасности. Если Богу будет угодно, бедная малютка завтра же пойдет с вами на рынок, и я буду любоваться ею с моих подмостков.

— Если Богу будет угодно!

— Я сказал «если Богу будет угодно» потому, что теперь по милости злодея Табарена я изгнан с Нового моста.

— Ради самого Бога, господин Мондор, обратите внимание на мою бедную дочь.

Доктор, призванный вернуться к делу, поставил свой ящичек, открыл его с таинственным видом и, вынув пузырек, дал понюхать Маргарите.

Она тотчас пришла в себя и протянула обе руки к матери, которая бросилась к ней, рыдая и проклиная виновников похищения.

— Тише, милая матушка,— сказала Маргарита,— помолчим, пока придет батюшка: о таких делах должны рассуждать мужчины.

— У твоего отца нет другой воли, кроме моей, а я непременно требую мщения!

— Но госпожа де...

Маргарита вдруг остановилась, увидев вокруг себя много посторонних. Желая отвести от себя общее любопытство, указала матери на толстого Мондора, неподвижно стоявшего у постели и, казалось, предававшегося самым глубоким и мрачным соображениям.

— Сколько я должна вам заплатить, господин Мондор?

— Ах, любезнейшая госпожа Мансо, если бы этот мошенник Табарен не изменил мне так коварно, я считал бы за счастье быть вам полезным, но теперь у меня впереди только нищета, по такому случаю осмелюсь у вас попросить один ливр.

Торговка пошарила в своих громадных карманах и достала оттуда маленькую серебряную монету, которую бедняк принял с благодарностью. Предписав некоторые легкие домашние средства, он вежливо раскланялся с кумушками и вышел с величественным видом.

Мало-помалу разошлись все соседки, и через час Маргарита была на ногах.

— Матушка, пойдем сейчас же на рынок.

— Как это можно! Ты больна, Маргарита!

— Молва об этом приключении распространилась повсюду и могла дать повод к разным сплетням, а как меня увидят, то прикусят языки.

— А какое нам дело до них? Тебя похитили вместо госпожи де Лонгвилль, и я очень рада за нашу добрую герцогиню.

— Ах! Матушка, разве вы не знаете?..

— Что такое?

— Ничего,— отвечала Маргарита, спохватившись,— успела ли герцогиня уйти безопасно?

— Ее проводили, как только рассвело, твой дядя Томас и Рене. Твой кузен вернулся сообщить мне, что она в безопасности, а дядя ушел в Гонесс.

— Бедный Рене! — вздохнула Маргарита, но тотчас же, прогоня печальные мысли, взяла мать за руку и сказала: — Идем же, матушка, на рынок.

— Опять.

— Это необходимо.

Маргарита произнесла эти слова с такой твердостью, что мать, непреклонная и властолюбивая, беспрекословно покорилась дочери.

Госпожа Мансо пошла наверх, где послышался голос маленькой дочери, и вскоре вернулась, держа ее за руку. Маргарита подхватила

малютку и с восторгом расцеловала. Затем они вышли втроем и, заперев за собой двери, попросили соседей сказать синдику, что ушли на рынок.

— Так это бездельники метили повыше, когда похищали тебя? — спросила госпожа Мансо, увидев, что от ходьбы на открытом воздухе на щеках дочери опять заиграл румянец.

— Не знаю, но верно то, что они действовали по злему умыслу, потому что злодейски поступили с молодым человеком, который пытался защитить меня.

— Однако они не убили этого великодушного человека?

— Кажется, ему не легче от того, что его не убили: когда я выходила из гостиницы, мне сказали, что какая-то дама с Сент-Антуанской улицы, бывшая, вероятно, свидетельницей его благородного поступка, приказала перенести его к ней в дом.

— Уж не жена ли это советника, госпожа Мартино?

— Именно так.

— Ну, конечно, она большая охотница до красивых молодцов и ловких воинов,— заметила торговка, улыбаясь.

Страшная суматоха царила на площади, когда госпожа Мансо с детьми показалась там. Везде видны были грозные, взбешенные лица торговков, и в каждой отдельной кучке непременно было несколько мужчин, явно старавшихся подзадорить женщин.

— Ну, я так и думала,— сказала Маргарита.

Она подошла к толпе и тотчас услышала, что причиной всех толков и угроз было ее похищение; об этом происшествии толковали вкривь и вкось. Маргарита хотела было объяснить им, в чем дело, но, к несчастью, она попала в толпу, где никто ее не знал. Малютка Мария, которую она держала на руках, расплакалась, когда все эти грозные лица обратились к ним.

В это время подошла матушка Мансо. Как особа, известная всему рыночному свету, она заставила в ту же минуту всех замолчать и слушать себя.

— Это дочь моя,— сказала она.— Смотрите на нее. Она возвращена мне, и если она хочет говорить с вами, так вы ее должны выслушать.

— Ах! Эта Мансо хочет говорить в защиту своего любезного герцога де Бофора! — произнес с коварным умыслом человек, руководивший раздражением толпы.

— А отчего бы и нет? — спросила госпожа Мансо, подбоченясь.—

Уж, конечно, такой мошенник, как ты, не помешает мне. В чем ты можешь упрекнуть нашего славного принца?

— Ни в чем,— отвечал он, увидев, что все головы повернулись с благосклонностью к госпоже Мансо.

— Значит, ты или злодей, или неблагодарный.

— Да я знаю его! — подхватила тетушка Фортюне, старшина над селедочными торговками.— Ведь это Гондрен, бывший лакей госпожи Марино, которого выгнали из ее дома за воровство.

— Это ложь! — закричал тот с досадой.

— Э! Да разве ты принят в число рыночных носильщиков, что нарядился в их мундир? — спросила госпожа Мансо.

— Принят,— отвечал он нахально.

— А с каких это пор?

— Вот уже два дня.

— Ну, приятель, ты не знаешь первой буквы из твоей азбуки. Иначе ты знал бы, что я хозяйка носильщиков, что мой собственный муж их старшина и что вот уже неделю Мансо не принимал ни одного нового носильщика.

— Он забыл упомянуть обо мне.

— Да это шпион Мазарини! — закричала Фортюне.

— Шпион! — пронеслось между торговками со взрывом внезапной ярости.

— Вон отсюда, мошенник, мы не знаем тебя! Отправляйся в другую сторону разливать яд твоей лжи и клеветы.

— Вот уж правда,— воскликнула старая селедочница,— прошло добрых четверть часа, как он не перестает чернить герцога де Бофора.

— Не следовало этого допускать, тетушка Фортюне.

— Да здравствует герцог де Бофор! — закричала старуха.— Милостивый и благородный вельможа не потерпит ничего такого, что не было бы хорошо и честно!

— Да здравствует герцог де Бофор! — вторили хором кумушки, толкая со всех сторон незнакомца. С великим трудом ему удалось высвободиться из их рук и угрем проскользнуть в толпе.

Не успели затихнуть эти крики, как новое волнение охватило противоположную сторону площади. Там торжественно приветствовали Бофора.

Мансо вскарабкалась на скамью и увидела причину суматохи —

прибытие герцога де Бофора на рыночную площадь. Мансо поспешила объявить об этом всем окружающим.

— Он! — произнесла Маргарита, бросившись внутрь лавки. Она притаилась в уголке с сестрой на руках.

Все женщины побежали к фонтану Невинных. Принц взошел на первую его ступеньку, чтобы отвечать на пламенные приветствия толпы.

— Друзья мои,— сказал принц, возвышая голос,— не хотите ли меня послушать? Мне надо с вами переговорить.

— Да, да, говорите! — отвечали все единодушно и восторженно.

— Дети мои,— продолжал герцог громким и мужественным голосом, так что поневоле заставлял себя слушать.— Сегодня распространяли обо мне гнусную клевету. Я знаю, откуда идут эти слухи: мои враги выдумали их с умыслом отнять у меня ваши честные и верные сердца.

— Без огня дыма не бывает,— произнес голос в толпе. Все глаза обратились в сторону, откуда послышался голос.

Госпожа Мансо, стоявшая в первых рядах, тотчас узнала Гондрена, ложного носильщика, только что прогнанного с площади.

Гондрен тоже узнал ее и намеревался было опять ускользнуть, но Мансо проворно кинулась в его сторону и при общих рукоплесканиях поймала его за фалды.

— Ваше высочество,— сказала она,— вот один из ваших врагов: он-то знает, почему наговаривает на вас.

Гондрен попробовал опять вывернуться, но его держали очень крепко. На нем была одежда рыночных носильщиков, но его руки, хотя и не очень белые и нежные, но все же не имели огрубелого вида рук тех людей, чье платье он надел.

Медленно подошел к нему де Бофор и внимательно рассмотрел его.

— Какое зло я тебе сделал? — спросил принц кротко.

— Никакого,— свирепо отвечал тот.

— Так зачем же ты клеветешь на меня?

— Да что я, пришел на исповедь, что ли? — снахальничал человек, когда увидел кроткое и благосклонное выражение лица принца.

— Нет, ты не на исповедь пришел, но так как ты не намерен отречься от злодейств, то получишь казнь от моей руки.

При этих словах герцог отдал свою трость ближайшей женщине, сам

же, засучив кружевные нарукавники, высунул кулаки.

— Выпустите-ка его, матушка,— продолжал он, обращаясь к Мансо.
— Я хочу разрешить наш вопрос на деле. Ну-ка, негодяй, защищайся, и мы посмотрим, так ли силен твой кулак, как язык.

Хотя открылась рука нежная и вполне аристократическая, однако белые кулаки оказались так простонародно мускулисты, что отбивали всякую охоту испытать их на себе.

— Я не дерусь с принцами,— пытался отговориться Гондрен, пятясь назад.

— Врешь, трус! Не уважение, а страх тебя удерживает. Ступай вон, негодяй, ступай вон!

— И чтобы твоей ноги не было на рынке,— подхватила госпожа Мансо, подтолкнув его с такой силой, что он наверное полетел бы наземь, если бы стена людей не удержала его.

— Погодите минуту! — закричала Фортюне, схватив Гондрена.— Мы не хотим иметь шпионов среди нас. Смотрите, вон наш Мансо идет.

Действительно, вдали показался синдик, сопровождаемый толпой, которая вместе с ним возвращалась от Тюильри.

— Да здравствует герцог де Бофор! — закричал синдик с сияющим лицом.

— Эй, Мансо! — позвала Фортюне.

— Что надо?

— А тут этот молодец нарядился в платье носильщика и говорит, что вот уже два дня, как его приняли в число носильщиков. Правда ли это, товарищ?

— Чисто соврал,— сказал синдик, спокойно глядя на Гондрена,— я никогда не видел его.

— Это Гондрен, бывший лакей госпожи Мартино,— закричала Фортюне,— ведь я говорила вам, что это шпион Мазарини.

— Шпион! — пронеслось по толпе.

— Смерть шпиону! — заревела толпа.

И прежде чем Бофор успел возразить, Гондрена подняли, как перышко, и отнесли на тот край площади, где стояла виселица. На этот час «Парижский господин» — палач отсутствовал. Но удальцы достали длинную и крепкую веревку и надели ее на шею негодяя. Тот был бледен, как будто страшная смерть уже схватила его в свои объятия.

— Ваше высочество! — закричал он, насколько хватило сил.—

Помилуйте!

Не напрасно произнесен был предсмертный призыв; герцог де Бофор, оттесненный толпой, расталкивал ее направо и налево, расчищая себе дорогу к осужденному.

— Помилосердствуйте! Ваше высочество! — истошно вопил Гондрен.

Герцог де Бофор ухватил за ногу человека, карабкавшегося на виселицу с намерением прицепить веревку, и стянул его вниз при громком хохоте толпы. Ей по вкусу пришлось это зрелище.

— Нет ему помилования! — заревели окружающие Гондрена.

Но герцог, не обращая внимания на эти крики, подошел к Гондрену и спокойно снял петлю с его шеи.

— Зачем? Ведь это шпион! — зароптала толпа.

— Друг ли я вам всем? — воскликнул герцог энергично.

— Да, да,— кричали женщины.

— Ваш ли я король? Рыночный ли я король? — еще раз прокричал де Бофор что было сил.

— Да, да! Да здравствует Бофор! — заревели тысячи голосов со всех концов рынка.

— Так слушайте же: как король я имею право миловать и дарую жизнь этому человеку.

— Справедливо,— признала госпожа Мансо,— его светлость имеет полное право.

— Точно, что имеет право,— подтвердила Фортюне, держа за руку Гондрена.

— Так пустите же его, тетушка,— сказал де Бофор, осторожно отстраняя руку старой селечницы.

— Ах! Ваше высочество, вы когда-нибудь пожалеете о том, что помиловали его,— возразила она.— Такие каналы не помнят даже добра, которое им делают.

— Тем хуже для него,— заметил герцог, улыбаясь.

По знаку де Бофора толпа расступилась и дала свободный проход Гондрену. Едва держась на ногах, бледный как мертвец, Гондрен поторопился скрыться из виду.

Глухой ропот сопровождал его бегство: на всех лицах видно было глубокое разочарование.

Герцог оправил кружевные нарукавники и, взяв свою трость из рук

торговки, вежливо поблагодарил ее, потом взошел на ступеньку у ворот позорного столба и начал приветствовать народ при громких восторженных криках — красноречивое доказательство любви его добровольных подданных.

— Друзья мои,— сказал он.— Я должен открыть виновников распространения этой гнусной клеветы, посредством которой хотят ввести вас в заблуждение и очернить меня. Я должен доискаться до источника зла и полагаюсь на вас, как и вы всегда можете положиться на меня.

Маленькая речь имела самый поразительный эффект. Окружавшие герцога снова принялись приветствовать его, крича во всю глотку. В этом восторженном реве было столько грозного, что по телу Мазарини пробежала бы дрожь, если бы он это услышал.

— Да здравствует герцог!

— Да здравствует наш король!

— Да здравствует наш настоящий король! — закричали несколько человек подозрительной наружности.

Бофор сошел со ступеньки. Проходя сквозь толпу, жал руки направо и налево, на требования некоторых торговки с самым любезным видом подставлял щеки для поцелуев. С такой свитой прошел он всю площадь. Толпа решила сопровождать своего любимца до Вандомского дворца, наполнив парижские улицы криками любви и радости.

При виде единодушной овации, предметом которой был герцог де Бофор, два человека испытали сильные, но различные чувства: один — ревность, другой — зависть.

Ревновал Рене, племянник Мансо. Следуя за синдиком, он тоже прошел на середину рынка и увидел, что Маргарита притаилась в темном углу лавки.

— Маргарита,— сурово произнес он, входя в лавку.— Зачем ты здесь, когда все там?

— Я боялась за Марию... там могли задавить ее.

— Ты плакала? Почему ты краснеешь?

— Я? Совсем нет, ты ошибаешься, друг.

— У тебя и теперь глаза мокрые от слез... Маргарита, тебе стыдно, что ты здесь!

— Стыдно? — воскликнула Маргарита, взглянув на него со страхом.

— Ах, Рене, ты пугаешь меня!